

КАЗКА О ЦАРЕВНЕ ГЛАФИРЕ И СЕМИ БОГАТЫРЯХ

ДАРЬЯ **К**УЗОВКОВА

18+

Дарья Кузовкова
Сказка о царевне Глафире
и семи богатырях

<https://litres.ru/74616179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Царевна Глафира вынуждена бежать из родного дома. Заблудившись в лесу, она выходит к загадочному терему. Вот только где его хозяева и разрешат ли ей остаться?

Содержание

От автора	4
Сказка о царевне Глафире и семи богатырях	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дарья Кузовкова

Сказка о царевне Глафире

и семи богатырях

От автора

Внимание, текст содержит натуралистическое описание половых отношений! Строго 18+

Сказка о царевне Глафире и семи богатырях

Жизнь Глафиры закончилась в тот момент, когда она зашла на дальнюю конюшню за своей лошадкой Яблонькой, а застала там мачеху, которую активно потреблял конюх. Ей бы отползти тихонько назад, пока не заметили, но ноги словно приморозило к полу, а взгляд к...

Юбки у мачехи задрались, обнажив стройные белые ноги и упругие ягодицы, грудь вылезла из тугого корсета, и грубые руки конюха нещадно её тискали, заскорузлые пальцы тербели пунцовые соски. Женщина выгибалась, насаживаясь на кол мужика сильнее. Она повернула голову, потянулась губами к его губам и тут заметила Глафиру.

– Хватай её! – завопила женщина, и тут царевна наконец отмерла.

Сама не заметила, как взлетела на лошадь, саданула каблуками по бокам, прижалась к шее, изо всех сил обхватив её руками. Обычно спокойная Яблонька, не привыкшая к такому обращению, взвилась на дыбы. Глафира чуть не съехала с неё, чудом удержалась. Лошадь скакнула, перемахивая через невысокую ограду стойла, и понеслась, не разбирая дороги. В след нёсся истерический визг.

Сколько они так неслись, царевна не знала. С тракта по-

чти сразу свернули в лес. Ясно же, что в тереме уже снаряжают погоню. Она изо всех сил молотила пятками по лошадиным бокам, и Яблонька всё ускоряла ход. Мелькали деревья, хватали за волосы ветками, хлестали по глазам. Лошадка покрылась пеной, начала спотыкаться, лес вокруг становился всё гуще, всё темнее. Глафира пустила её шагом, заодно осмотрелась. И куда ж это их занесло? А вон там, не просвет ли между ёлок? Она неловко соскользнула с лошади. И как удержаться во время бешеной скачки смогла? Без седла, без узды! Не иначе страх сил придал.

Царевна неловко, враскоряку пошла к просвету. Отбитый зад и стёртые ноги горели огнём. Ёлки расступились, выпустив на большую поляну.

– Яблонька, девочка, иди сюда, – без узды вести лошадь было неудобно. Та упёрлась, не желая лезть между колючих лап. Но тут ей на круп свалилась шишка, и скотина сама скакнула вперёд, чуть не сшибив зазевавшуюся Глафиру.

Посреди поляны стоял терем, окружённый высоким частоколом. Девушка пошла вдоль плотно пригнанных друг к другу брёвен и в конце концов вышла к воротам.

– Эй, хозяева, – Глафира стукнула раз, другой. Тишина. Только ветер гудит в кронах, да из чащи раздаётся мерно «ку-ку».

На солнце набежала тучка, потянуло холодом. Девушка зябко передёрнула плечами и замолотила сильнее, а затем прижалась к воротам ухом. Ничего. Ни людских голосов, ни

птичьего грая, ни бляення скотины. Только створки ворот чуть поскрипывают. Она задрала голову. Над воротами возвышалась башенка с двускатной крышей. Под ней прилепилось гнездо, к которому то и дело ныряли ласточки. А что, если... Глафира прикинула расстояние, закусил губу. Нет, только если с лошади.

Яблонька ехидно смотрела, как девушка пытается на неё запрыгнуть и раз за разом соскальзывает с гладкой спины. Потом смилостивилась и согнула колени. Глафира взобралась, неловко встала на круп, придерживаясь за створку, осторожно поднялась на цыпочки и зашарила рукой по брусу. Пальцы нащупали холодный металл и победно сжались. А в следующую минуту лошадь переступила с ноги на ногу, и Глафира с визгом полетела вниз. Но добычу из рук не выпустила.

Ха! На ладони лежал массивный ключ с хитрыми бороздками на язычке и вычурной головкой с завитушками. Дома, когда царь уезжал, на охоту ли, по делам ли, среди стражников сразу начинался разброд. Мачеха в эти дни тоже особо не показывалась (теперь понятно почему). Бравые молодцы бегали в ближайшую деревню к девкам и весёлым вдовушкам, а ключ от задней калитки оставляли под стрехой. Глафира как-то подглядела, как они возвращаются: весёлые, пьяные, с приставшими к кафтанам соломинками.

Ключ со скрежетом провернулся раз, другой. Дужка отпала. Глафира толкнула створки, и те нехотя распахнулись. За

забором и вправду никого не было. Только высокий, двухэтажный терем. Красивый, весь в резном деревянном кружеве. Окна поблёскивали дорогим заморским стеклом. Глафира присвистнула и тут же привычно шлёпнула себя по губам. Хотя чего уж там. Здесь мамок няnek нет, ругаться некому.

Дверь оказалась не заперта, и девушка осторожно прошла в сени. Прислушалась настороженно. Нет. Никого. За сенями была большая светлая горница. Тоже всё дорого-богато, но как-то неухоженно. Будто живут здесь одни мужчины. На столе пятна, на полу пыль, занавески давно не стираны. В глубине дома обнаружилась кухня с большой печью, выложенной изразцами. Её тоже давно не мыли, изразцы закоптились, в просветы между ними набилась грязь. На столе посуда с засохшими остатками еды, грязный горшок в котором буйно колосилась плесень. Зато в ларях обнаружилось вдоволь круп, муки, картошки, репы. За дверцами буфета важно возвышалась сахарная голова.

На второй этаж вела резная деревянная лестница. От неё разбежался в обе стороны коридор, с рядом дверей. Глафира загляну за одну, вторую. За каждой находилась светлица. Мебель в светлицах была одинаковая, а вот убранство разное. Где оружие по стенам развешено, где стоят фигурки резные деревянные, какие совсем готовые уже, какие только грубо оструганы. В одной из комнат на сундуке лежала балалайки. Девушка провела рукой по струнам, те отозвались весёлым треньком, на пальцах осталась вездесущая пыль.

Самая дальняя горница отличалась от остальных. Кровать здесь была широкая, явно на супругов рассчитана. Балясины мощные, перина высокая. Но белья на кровати не было, и слой пыли толще, чем в других светлицах. Вон даже следы Глафирины на полу видны. Вот тут она и останется, пока хозяева не вернутся. Только надо бы сначала прибраться. И девушка решительно засучила рукава.

Три дня она мыла, тёрла и скребла. На заднем дворе обнаружился колодец, и Глафира по десять раз на дню тягала тяжёлое ведро. Вода в колодце была вкусной, но такой ледяной, что ломило зубы. Печь разжечь не удалось, как царевна не билась. Пришлось питаться репой. Сырую картошку она разок попробовала и потом долго не могла отплеваться. Гадость какая.

Вечером Глафира падала на кровать, чувствуя, как дрожит от усталости каждая жилка. В родном тереме она никогда так не упахивалась. Хотя с появлением мачехи служанок у неё поубавилось. Многое приходилось делать самой. Испачкала – застирай, намусорила – убери. Разве что готовить себе не приходилось. Но девушка часто вертелась в кухне, стараясь пореже попадаться новой жене отца на глаза. А там волей-неволей готовку освоишь, не больно хитрое дело. Вот только печь разжигать так и не научилась.

Ночью на поляну выехали семь всадников. Один подлетел к воротам, спешился и замер.

– Слышь, Бажен, а замка то нет.

Всадники осадили коней, потянули из ножен мечи.

– Может ты его и оставить забыл?

– Да не, два раза подёргал перед отъездом.

Спешившийся осторожно толкнул одну створку. Она не поддалась.

– Гля-кость, на крюк не иначе замкнулись!

Остальные тоже спешили, столпились у ворот.

– Дай-ка я его мечом поддеть попробую.

Тонкое лезвие скользнуло между створок. Лязгнуло. Створка медленно отъехала.

– Хех, а засов не задвинули!

Засов Глафира сдвинуть с места не смогла, тяжеленный брус лежал на крюках как прибитый. Девушка и тянула, и толкала плечом, но ни в какую.

– Ну-ка тихо будьте! – шикнул на всех тот, кого называли Баженом, – В рассыпную.

Мужики споро рассредоточились по двору и стали медленно приближаться к терему. Но тот встречал хозяев сонной тишиной. Не щерились из окон вражьи стрелы, на таился за углом неведомый гость с мечом наперевес. Бажен осторожно потянул на себя дверь. Та не поддавалась. Он дёрнул сильнее, дверь продолжала упираться как стеснительная девица на сеновале. Ещё один мощный рывок... раздался громкий крак, дверь наконец распахнулась и из ручки выпали обломки метлы.

Мужчины один за другим потянулись в дом, засновали по подклету, не зажигая лучин. Потом снова собрались в главной горнице.

– Чуете, пахнет странно!

Все настороженно засопели, приняхиваясь.

– Вроде как деревом мокрым и цветами, – зачиркали кресала, разом вспыхнули несколько лучин.

– Что за чудеса?

Стол в центре горницы сиял чистотой (ещё бы, Глафира его до самого вечера скоблила, хотя одно пятно всё равно проступало), а в центре стояла кружка, из которой глядели на мужиков крошечные голубые незабудки.

– Какое нынче ворьё чудное пошло, – протянул один.

Мужики один за другим стали стягивать шлемы.

– Да вроде ничего не пропало, – протянул задумчиво Бажен, самый старший.

Все воины были неуловимо похожи друг на друга. А два самых младших и вовсе на одно лицо. Этим хорошо если двадцать исполнилось, на подбородках только начала пробиваться щетина.

– Давайте-ка поверху всё осмотрим.

Они поднялись по лестнице, разбрелись по светлицам.

– Никого.

– И у меня.

– А у меня кто-то постель застелил.

Все снова набились в коридор, отчего довольно простор-

ное место вмиг стало тесным. Головы дружно повернулись в сторону последней неоткрытой двери.

Глафира потянулась и открыла глаза. И завизжала. Вокруг кровати стояло семь здоровенных мужиков. Пламя лучин плясало на кольчугах.

– Тише ты, оглашенная, – один из мужиков поморщился, покрутил в ухе мизинцем, выковыривая девчачий визг.

Девушка резко захлопнула рот.

– И что ж ты тут делаешь? – спросил второй.

– Терем ваш отмываю. Это ж как можно было его так загадить? – Глафира решила, что терять ей уже нечего, почему бы не поскандальить хорошенько напоследок.

Мужики неожиданно смутились.

– Это ты, конечно, молодец, – похвалил самый старший, с короткой тёмной бородой, – Может ты ещё и готовить умеешь?

– Умею, – запальчиво вякнула девушка, и, смутившись, добавила, – Только вы печь разожгите, а то у меня не получилось.

– Ты глянь какая смазливая, чисто царевна! – молодой парень цепко ухватил её за подбородок, покрутил голову. Глафира дёрнулась, но куда там.

– Звать тебя как?

– Глафирой.

– Глашей, стало быть. А меня Баженom, – чернобородый мужик, уперев могучие руки в кольчужные бока, слег-

ка склонил голову, — Ну что ж Глаша, будешь нам подругой верной?

— Днём и ночью, — добавил один из парней, и все дружно заржали.

Девушка набычилась, а потом неуверенно кивнула. Идти то всё равно некуда. Денег нет. Вокруг лес густой. А ещё её наверняка ищут.

Утром она встала первой. Вышла во двор, тоскливо покосилась на закрытые ворота. Птицы только начали свои распевки. В ласточкином гнезде противно орали птенцы, призывая родителей поторопиться. Девушка умылась, натаскала воды и дров для печи. Тут на кухню вышел заспанный парень.

— Ну, давай знакомиться, Глафира. Я Ждан.

— А я Неждан, — из-за его плеча высунулась голова. Одинаковые каштановые кудри, ореховые, чуть в зелень глаза. Одинаковые насмешливые улыбки. Братья были похожи как две половинки одного яблока.

— Давай покажу как печь растапливать, — предложил Ждан, и девушка посторонилась, пропуская его.

В пышущую жаром печь отправился большой горшок с кашей. Гостья принялась расставлять по столу посуду. Парни отправились умываться. Глафира через распахнутое окно видела, как они плещутся у колодца.

Хозяева терема один за другим просыпались, выходили во двор. Глафира подсматривала за ними из-за занавесок.

Все высокие, мощные, капли воды посверкивали на широких плечах. По кухне пополз запах каши. Царевна встрепенулась – совсем про неё забыла. Ухват неловко зашуровал в печи. Ох и тяжеленный горшок, не уронить бы.

– Давай помогу, – Глафира вздрогнула и непременно уронила бы кашу, но уверенные руки уже перехватили древко.

Посудину водрузили в центр стола. Над ней закурился ароматный парок. Глафира невольно облизнулась. Сырая репа уже стояла у неё поперёк горла.

– Я Велислав, – нежданный помощник иронично поклонился, – Отойди-ка.

Глафира попятилась. Парень сдёрнул половик, и под ним обнаружилась небольшая дверца с кольцом-ручкой. Под дверцей уходили в стылую тьму ступени. Велислав легко спрыгнул, пошуршал чем-то.

– Порежь в кашу, – на стол шлёпнулся завёрнутый в тряпицу шмат, – А я братьев на завтрак покличу. Парень также легко, едва опершись рукой, выскочил из подпола.

В тряпице оказалось копчёное сало. Девушка накрошила его и закинула в горшок. В кухню потянулись мужики. Во главе стола сел тот, с бородкой, который вчера спрашивал, как Глафиру зовут, Бажен, кажется. Остальные расселись по возрасту – чем младше, тем дальше от него. Напротив Бажене осталось пустое место.

– А ты чего? Садись, – Ждан (или Неждан) похлопал рукой по пустому табурету.

Царевна робко села.

– Ну, рассказывай, Глаша, откуда ты в нашем тереме взялась? – Бажен отложил ложку и пристально уставился на девушку. Глаза у него, в отличие от братьев были светлые, серые.

– В лесу заблудилась, – пискнула та, старательно размазывая кашу по тарелке. Аппетит от этого взгляда в миг пропал.

– Это на лошади то? Украла поди.

– Нет! – тут же взвилась она, – Это моя лошадь. Её Яблонька зовут.

– А где ж у твоей лошади седло, да уздечка? Или ты прям так на ней скакала?

– Так получилось, – Глафира отвела глаза.

– Ну хорошо. Платье на тебе, смотрю, богатое, сапожки сафьяновые. От жениха небось сбежала?

– Нет!

– Ну нет, так нет.

– А вы сами-то кто? Разбойники? – девушка подняла глаза и уставилась на Бажена. По кухне прокатился хохоток.

– Мы наёмники, кто платит, тому и служим. Вот что, Глафира. Хочешь, живи в тереме. Нам прислуга не помешает. Готовь, убирай, посуду мой. Но не обессудь. Мы мужики молодые, а девок на сто вёрст окрест ни одной. Будем к тебе по ночам заходить по очереди. Ежели устраивает – оставайся, а нет – ворота не заперты, иди себе с миром.

Глафира сглотнула. Заметалась глазами по братьям, те

установились на неё. Заинтересованно. Насмешливо. Холодно...

– Хорошо, – девушка покраснела до корней волос, голос звучал тихо-тихо, – Я останусь.

Домыв после ужина посуду, царевна медленно, нога за ногу, поплелась в свою горницу. В животе нарастал тугой страх. Пока днём крутилась по хозяйству и не вспоминала, а сейчас от ужаса перемыкало горло. Она скорчилась на огромной кровати, обхватила ноги руками, напряжённо прислушиваясь. Внизу раздавались голоса, половицы поскрипывали под тяжёлыми шагами.

За окном стемнело, над макушками елей показался краешек луны. Из чащи донёсся тоскливый волчий вой. Покрывшись мурашками с головы до ног, царевна ещё крепче обхватила руками колени, уткнулась лбом в подол. Дверь скрипнула. Сердце зачастило, вот-вот выпрыгнет, к горлу подкатил тошнотворный комок.

В горницу вошёл Бажен. Простая нижняя рубаха широко расходилась у ворота, обнажая мощную шею. Дверь захлопнулась. Мужчина прошёл по комнате, сел на кровать. Доски под ним жалобно застонали. Глафира на попе отползла к изголовью, не в силах вымолвить ни слова.

– С утра ты побойчее была, – голос у Бажена густой, низкий, – Ну, чего забилась, будто в первый раз.

Глафира истово затрясла головой.

– Что, вправду? А я уж подумал, спуталась с кем-то, да и сбежала, чтобы позор прикрыть. Так ты, получается, ещё девица, – он помолчал, пальцы задумчиво оглаживали короткую бородку, – Эх, ладно. Братья мне за это спасибо, конечно, не скажут, но, если хочешь, отвезу тебя завтра домой.

– Нельзя мне домой. Убьют! – Глафира горько разрыдалась.

– Ну, ну, буде, – Бажен неловко притянул к себе девушку, похлопал по плечу.

– Ты давай, делай что хотел, – девушка отстранилась, шмыгнула распухшим носиком, – Всё равно мне отсюда деваться некуда. Это очень больно?

– Больно, говоришь? – мужчина осторожно провёл пальцем по нежной щёчке, вытирая слезинку. Затем наклонился и слегка коснулся губами полуоткрытых губ.

Глафира вновь вся закаменела, напряглась. Но мужчина только целовал, едва-едва касаясь её мягким губами. Она слегка расслабилась, подалась вперёд. Широкая ладонь скользнула по девичьей спине, начала нежно поглаживать, затем прижала сильнее. Губы становились всё настойчивее, к ним добавился язык. Глафира почувствовала, что задыхается, слегка отстранилась. Щёки пылали, руки едва заметно дрожали, а ещё внизу живота разливалось непонятное тягучее чувство, от которого хотелось стиснуть колени.

– Ну что, не больно пока? – усмехнулся Бажен и снова притянул её к себе.

Она закрыла глаза, потянулась в ответ, неумело, но старательно двигая языком. Провела острым кончиком по мягким губам. Рука со спины скользнула ниже, подхватила, и царица оказалась на мужских коленях. Платье задралось, на оголившееся бедро легла широкая ладонь, медленно поползла вверх. Глафира с трудом удержалась, чтобы не шлёпнуть по слишком вольной ручонке. Нельзя! Сама ведь согласилась. Снизу в попу упиралось что-то твёрдое, и она поёрзала, устраиваясь поудобнее. Бажен тихо застонал ей в губы. Его пальцы тем временем доползли до сокровенного, нырнули меж стиснутых бёдер. Воздух словно загустел, стал горячим, дышать было тяжело, будто не в горнице она, а в бане. Девушка прерывисто вдохнула, когда пальцы зацепили какую-то особо чувствительную точку, выгнулась, подалась навстречу.

Бажен поднялся и аккуратно уложил её на кровать, стянул платье и тоненькую нижнюю рубашку. Одним рывком избавился от своей. Глафира стыдливо прикрыла голую грудь рукой.

«А он красивый! – глаза против воли скользили по широким плечам, мускулистой груди, поросшей кудрявым тёмным волосом, по резким теням на рельефном животе – И пахнет от него лучше, чем от конюха».

Мужчина тем временем начал развязывать верёвочную опояску штанов, и царица отвела взгляд, уставившись в окно. Луна чуть-чуть приподнялась над елями. Ничего себе,

а казалось, что уже полночи прошло. Рядом опустилось тяжёлое тело. Кровать охнула. Всё началось заново. Поцелуи, поглаживания, умелые его касания, осторожные, робкие её. Мозолистая рука легла на грудь, слегка сжала, палец погладил напрягшийся сосок. От одновременно грубоватой и нежной ласки в голове у Глафиры слегка помутилось. Внизу между ног всё ныло, вождение перекрывало страх. Бажен осторожно, чтобы не спугнуть, раздвинул девушке ноги. Палец скользнул в лоно, задвигался сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. К нему добавился второй. Девушка тихонько застонала, стала невольно двигать бёдрами им навстречу.

– Вот так, умница, сладкая девочка, – Бажен ещё что-то шептал, но Глафира его уже не слушала, крепко зажмурилась, напряглась, задеревенела. Все её чувства сейчас были там, в этой пульсирующей огненной точке. Почти. Вот сейчас. Бажен убрал руку, шире раздвинул ей ноги, пристроился между ними. Внезапная жгучая боль прострелила насквозь. На глаза навернулись слёзы. Руки упёрлись в твёрдую грудь. Она попыталась отползти, но мужчина навалился, проникая всё глубже.

– Потерпи, потерпи, хорошая, сейчас всё пройдёт, – хриплый шёпот возле уха.

Он начал двигаться медленно, осторожно, с каждым разом глубже протискиваясь в узкую щель. Боль потускнела. Снова вернулось то пульсирующее, нарастающее, нестерпи-

мо зудящее. Быстрее. Быстрее. Быстрее. Дыхание сбилось. Ноги сами обхватили мужчину, прижали теснее. Царевна стиснула зубы, сдерживая рвущийся наружу крик. Внутри всё сжалось. Тело выгнулось навстречу. Да! Так! А-а-ах! Бажен сделал ещё несколько мощных толчков, и на живот Глафире плеснуло горячее семя.

Дурман отступал. Сердце, только что набатом колотившее в ушах, успокаивалось. Накатила вязкая ленивая дремота. Бажен нежно поцеловал её в висок, борода защекотала кожу, заставляя зажмуриться. Тело казалось ватным, тяжёлым. Словно натянутая до предела струна в конце концов лопнула и безвольно обвисла.

Мужчина встал, нежно отёр липкие капли полотенцем, укрыл сонную царевну одеялом. Зашуршала одежда. Скрипнула, а затем хлопнула дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.